

A romantic scene in a library. A man with dark hair and a beard, wearing a white shirt, is leaning towards a woman with long dark hair, wearing a white tank top and blue jeans. They are about to kiss. The man's hand is gently touching the woman's face. The background is filled with bookshelves and a green desk lamp is visible on the right. The lighting is warm and intimate.

ОШИБКА В 3 ГЛАВЕ

СИЛЬВИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Ошибка в 3 главе

<https://litres.ru/73814346>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случайно отправив преподавателю откровенный рассказ о нём, скромная отличница получает не двойку, а приглашение в его дом — и понимает, что у этого демона с больным сердцем есть одна слабость, и она же его одержимость.

Содержание

Глава 1. Не тот файл	4
Глава 2. Разбор полётов	14
Глава 3. Восемь вечера	24
Глава 4. Страница за страницей	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сесилия Суарез

Ошибка в 3 главе

Глава 1. Не тот файл

Я писала порно.

Нет, не то дешёвое, где всё сводится к «и они страстно слились в экстазе». Моё было литературным. С душой. С намёком на запретную любовь между профессором и студенткой, которая, конечно же, была невинной, а он — властным циником с трагическим прошлым.

Проблема была в том, что мой профессор существовал в реальности.

Я сидела на продавленном диване в общежитии, поджав под себя ноги в драных джинсах. На коленях — ноутбук, который грел так, что можно было жарить яичницу. Волосы собраны в небрежный пучок на макушке, одна прядь лезла в глаза, но я не поправляла — боялась потерять нить.

Никогда не думала, что буду писать интимный рассказ про собственного преподавателя.

Дмитрий Сергеевич Громов. Доцент кафедры зарубежной литературы. Тридцать пять лет. Рост — где-то под два метра. Глаза болотного оттенка, которые, кажется, видят сквозь одежду. Голос — низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой,

как будто он только что проснулся или только что переспал с кем-то.

Судя по моим фантазиям — со мной.

— Он прижал её к стеллажу, старые книги посыпались на пол. «Ты даже не представляешь, детка, что я могу сделать с тобой за пять минут», — прошептал он, и его дыхание обожгло её шею. Она никогда не была с мужчиной, но сейчас её тело знало, чего хотело, лучше её сознания.

Я закусила колпачок ручки и застонала от собственной глупости. Кто я? Валерия Соболева, второкурсница, отличница, серая мышь, которая живёт в общежитии, подрабатывает ночным администратором в хостеле и ни разу не была на свидании дольше, чем два часа. Мои познания в сексе ограничивались уроками биологии и романами, которые я украдкой читала в телефоне.

Но когда я смотрела на Громова — на его закатанные рукава, открывающие жилистые предплечья, на то, как он медленно обводит взглядом аудиторию, — у меня внутри всё переворачивалось. Я представляла, как эти длинные пальцы с идеальными ногтями сжимают моё запястье. Как он наклоняется ко мне через стол, и я чувствую запах горькой полыни и старых книг.

Поэтому я писала.

Соседка по комнате, Катя, веганка с маникюром цвета брокколи, спала на верхней койке и мирно посапывала. Время — половина второго ночи. Дедлайн по домашнему зада-

нию — через восемь часов.

Домашнее задание. Чёрт.

Я открыла второе окно в браузере. «Теория литературы. Сравнительный анализ мотива искупления в „Преступлении и наказании“ и „Анне Карениной“». Три страницы, которые я накатала вчера на работе в хостеле, пока ждала, когда постоялец из двадцать третьего номера перестанет орать на жену.

Надо отправить.

Файл «Домашка_филфаК_3_курс» лежал на рабочем столе. Рядом с ним — файл «Рассказ_финальная_версия».

Я потёрла глаза. Катя перевернулась на другой бок, и койка жалобно скрипнула.

— Лер, выключи свет, — пробормотала она сонно.

— Сейчас.

Я открыла файл с домашкой, проверила форматирование. Всё чисто. Никаких эротических сцен. Никаких профессоров, шепчущих неприличности. Только Достоевский, Толстой и моя надежда на четвёрку.

Прикрепила файл. Написала декану: «Добрый вечер! Отправляю задание. С уважением, Соболева».

Нажала «Отправить».

И только когда письмо ушло в неизвестность, я заметила, что прикреплённый файл называется... «Рассказ_финальная_версия».

Сердце ухнуло в пятки.

— Нет, — прошептала я. — Нет-нет-нет-нет.

Я схватила ноутбук, трясущимися пальцами открыла папку «Отправленные». Письмо ушло. С вложением. Вложение — порно. Порно про моего преподавателя.

Я представила, как он открывает файл. Читает. Доходит до места, где герой говорит: «Я кончу за пару минут, детка. Придётся потрудиться».

Господи.

Я хотела провалиться сквозь пол. Сквозь бетонный этаж, сквозь фундамент, сквозь ад — туда, где не существует электронной почты.

Может, он не откроет? Может, у него на почте спам-фильтр? Может, он удалит, не глядя?

Всю ночь я не спала. Каждые пятнадцать минут проверяла, не пришёл ли ответ. Тишина.

К утру я убедила себя, что он просто не заметил. Профессор Громов известен своей нелюбовью к электронным коммуникациям. Он предпочитает личные беседы. Бумажные работы. Всё, что можно подержать в руках и, если что, сжечь.

Я выпила три чашки растворимого кофе, натянула свою единственную приличную блузку — бледно-голубую и выбежала из общаги.

Забегать в кафе «Стругацкий» было моей утренней традицией. Там делали самый сносный раф в радиусе километра. И там часто можно было встретить преподавателей — не то чтобы я специально выбирала место рядом с вузом. Про-

сто так совпало.

Сегодня совпало особенно жестоко.

Я влетела в кафе, запыхавшаяся, с выбившейся из пучка прядью, с рюкзаком, который норовил сползти с плеча. В руках — телефон, на экране которого до сих пор открыто то самое отправленное письмо. Я смотрела на него, а не под ноги.

— Осторожно! — крикнул бариста, но было поздно.

Я врезалась в нечто твёрдое, горячее и очень дорогое.

Мой двойной раф выплеснулся из стаканчика и эффектной коричневой дугой окатил мужскую рубашку. Кремовую. Шёлковую. Ту, которая, судя по крошечной нашивке на манжете, стоила как моя стипендия за полгода.

— Упс, — сказала я умно.

— Да, — ответил мужской голос.

Я подняла глаза.

Дмитрий Сергеевич Громов смотрел на меня сверху вниз. Его рубашка — кремовая, идеально выглаженная, с закатанными рукавами — теперь была украшена пятном, которое напоминало карту материков. Волосы зачёсаны назад, но одна прядь упала на лоб. Глаза — болотные, с золотыми искрами — не выражали ничего, кроме спокойного любопытства.

На его груди, прямо на уровне сердца, медленно расплывалось моё утреннее кофе.

— Вы... — начала я.

— Соболева, — закончил он. — Валерия Соболева, второкурсница, моя семинарская группа по средам.

Я не знала, что меня поразило больше: то, что он помнит мою фамилию, или то, что он не ругается.

— Я... извините, — выдохнула я. — Я не заметила. Я смотрела в телефон.

— Я заметил.

Он не двинулся с места. Не отряхнулся. Не полез за салфеткой. Он просто стоял и смотрел на меня, и от этого взгляда у меня вспотели ладони.

— У вас кофе на рубашке, — сказала я, потому что это было очевидно и потому что мой мозг отказывался выдавать что-то умнее.

И, о чудо, уголок его губ дёрнулся вверх.

Он улыбался? Дмитрий Сергеевич Громов, который за весь семестр ни разу не улыбнулся на лекции, улыбался моему идиотизму.

— Я могу заплатить, — ляпнула я. — За химчистку.

Он опустил взгляд на пятно, потом снова поднял на меня.

— Эта рубашка не для химчистки. Она для ритуального сожжения после первого кофейного инцидента.

— Первого?

— Вы не первая, кто пролил на меня кофе, Соболева. Но вы первая, кто сделал это с таким драматизмом.

Я покраснела. Я чувствовала, как жар поднимается от шеи к щекам, к ушам, к корням волос.

Бариста протянул салфетки. Громов взял их, но не стал вытирать рубашку — вместо этого он протянул одну мне.

— Вы дрожите, — заметил он.

— Я... я спешу на лекцию. По теории литературы. Кстати, вашу.

— На мою лекцию вы опоздали на десять минут.

Я посмотрела на часы. Он был прав.

— И, — добавил он, наклоняясь чуть ближе, — если вы перестанете дрожать, я, возможно, не стану спрашивать вас на паре о том, что вы отправили мне вчера ночью.

Мир остановился.

Все звуки исчезли. Кофемашина, звон посуды, голоса — всё превратилось в ватный шум.

Он читал. Он открыл файл. Он знает.

— Я... — мой голос стал тоньше комариного писка. — Это была ошибка.

— Ошибка в главе номер три? — уточнил он с самым невинным видом, на который был способен мужчина с пятном кофе на груди.

Я захлопнула рот.

— До встречи на паре, Соболева, — сказал он и, развернувшись, вышел из кафе.

Его рубашка облегла широкую спину. Пятно расплзлось, как клякса, как намёк, как обещание.

Я стояла посреди кафе с мокрой салфеткой в руке и пустым стаканчиком.

— Эй, девушка, — окликнул бариста. — Вам ещё раф?

— Водки, — прошептала я. — Мне водки.

Лекцию я прослушала.

Нет, я сидела в третьем ряду, механически кивала и даже записала что-то в тетрадь. Но когда я потом заглянула в конспект, там было написано что-то совершенно не разборчивое.

Громов вёл лекцию как обычно — холодно, чётко, с лёгкой насмешкой. Ни разу не посмотрел в мою сторону. Ни разу не упомянул рассказ. Ни разу не улыбнулся.

Но когда он повернулся к доске, я заметила, что его рубашка — уже другая, тёмно-синяя, — обтягивает плечи так, что хочется написать ещё одну главу.

В коридоре после лекции я пыталась сбежать. Схватила подружек — Лену и Катю (ту самую, веганку) — и потащила их к выходу, болтая без умолку.

— ...и тогда он сказал, что контекст важнее текста, но я не поняла, он про Достоевского или про...

Я смотрела на подружек и пяtilась. Спиной. Пока не уперлась прямо в твёрдую мужскую грудь.

— ...жизнь, — закончила я, когда две руки легли мне на плечи, удерживая от падения.

— Осторожнее, Соболева, — раздалось у самого уха. — Вы сегодня в ударе на разрушение.

Я замерла.

Подружки захихикали и растворились в толпе. Предательницы.

Я медленно повернулась. Громов стоял в двух сантимет-

рах от меня. Его пальцы всё ещё лежали на моих плечах — тепло, тяжело, неотвратно.

— Вы... вы меня преследуете? — спросила я с вызовом, который прозвучал как писк.

— Это вы врзаетесь в меня по собственной воле, — парировал он. — Два раза за утро. Я начинаю думать, что вам нравится.

— Мне не...

— Соблазнять преподавателей, обливая кофе? Или стелкиваясь спиной?

Он убрал руки, и я почувствовала холод там, где секунду назад было его тепло.

— Завтра после семинара, — сказал он, — останьтесь.

— Зачем?

— Обсудим вашу... работу.

Он сделал паузу на слове «работу». Небольшую. Всего на секунду. Но за эту секунду я успела умереть, воскреснуть и снова умереть.

— Какая работа? — прошептала я. — Домашняя?

— Ваша домашняя работа, — сказал он, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти живое, — это, увы, пересказ чужих мыслей. А меня интересуют ваши собственные.

Он развернулся и ушёл.

Я осталась стоять в коридоре, прижимая к груди тетрадь. И где-то глубоко внутри, под слоем ужаса и стыда, пульсировало то самое чувство, которое я описывала в своей тре-

тѣй главѣ.

Предвкушение.

Глава 2. Разбор полётов

Ночь перед семинаром я провела в позе эмбриона под одеялом.

Катя принесла мне успокоительный травяной чай и попыталась накормить безглютеновым печеньем.

— Ты выглядишь как персонаж Достоевского перед казнью, — сказала она, жуя своё печенье с утробным хрустом.

— Я и есть персонаж Достоевского, — простонала я из-под подушки. — Я совершила преступление. Теперь меня будут наказывать.

— Какое преступление? Съела мою пасту из нута?

— Хуже. Я отправила преподавателю порно.

Катя поперхнулась.

— Ты... что?

— Эротический рассказ, — уточнила я, потому что в моём положении важны были формулировки. — Про него. Где он говорит неприличные вещи и делает... ну, то, что делают герои эротических романов во второй половине книги.

Катя села на край кровати. Её зелёный маникюр нервно застучал по коленке.

— И что он сказал?

— Что мне надо остаться после семинара. И что моя «работа» его интересует.

— Может, он правда про домашку?

— Он сделал паузу, Катя. Паузу! Когда говорил слово «работа». Такие паузы делают только серийные убийцы и мужчины, которые собираются предложить неприличную сделку.

Катя задумалась. Потом выдала:

— Ну, если он предложит — соглашайся. Он горячий.

— Ты веганка, ты должна быть против эксплуатации!

— Я против эксплуатации животных. А горячие преподаватели — это возобновляемый ресурс.

Я швырнула в неё подушку.

Семинар начинался в десять утра.

Я пришла раньше на пятнадцать минут — впервые в жизни. Надела самую скромную вещь из гардероба: чёрную водолазку с высоким горлом (чтобы он не видел, как бьётся моя сонная артерия), тёмные джинсы без дырок и тяжёлые ботинки на толстой подошве (на случай, если придётся убежать). Волосы собрала в тугий пучок — никаких соблазнительных прядей.

Я выглядела как монашка-подросток на допросе в гестапо.

Аудитория заполнялась медленно. Однокурсники шумели, перебрасывались шутками, кто-то жевал бутерброд с колбасой (Катя страдальчески отвернулась к окну). Я сидела на последнем ряду, у стены, готовая в любой момент раствориться в штукатурке.

В 10:00 ровно дверь открылась.

Дмитрий Сергеевич Громов вошёл в аудиторию так, будто

это была его личная гостиная, а мы — незваные гости. Сегодня он был в тёмно-сером свитере с высоким воротом, облегающем плечи, и чёрных брюках. Никакого пиджака. Рукава свитера закатаны до локтей — открывая предплечья, покрытые тёмными волосками, и длинные пальцы, которые сжимали папку с бумагами.

Мою папку. С моими бумагами. С моим рассказом.

Он не смотрел на меня. Положил папку на стол, обвёл взглядом аудиторию, и его губы чуть искривились — не то усмешка, не то привычка.

— На прошлой лекции мы говорили о мотиве искупления, — начал он низким голосом, от которого у меня внутри всё сжималось. — Сегодня проверим, как вы усвоили материал. Соболева.

Я подпрыгнула на стуле.

— Да?

— Кто искупает вину в «Анне Карениной»?

Я моргнула. Вопрос был простым — слишком простым для него. Обычно он спрашивал что-то вроде «как образ железной дороги коррелирует с метафизической пустотой толстовского героя».

— Анна пытается искупить вину перед сыном, — сказала я осторожно. — Но не может. Каренин — через прощение. Вронский — через участие в войне.

— Хорошо, — сказал он, и это «хорошо» прозвучало как пощёчина. — А кто в этом романе не искупает ничего?

— Левин.

— Почему?

— Потому что ему не в чем каяться.

Громов медленно кивнул. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на водолазке, на туго стянутых волосах. Мне показалось, или он едва заметно улыбнулся?

— Садитесь, Соболева. У вас есть шанс.

Шанс на что — он не уточнил.

Весь семинар я сидела как на иголках. Моя ручка грызла саму себя — колпачок был изжеван до состояния аморфной массы. Я делала вид, что слушаю, но на самом деле считала секунды до конца.

Громов вёл занятие как обычно — холодно, иронично, с лёгкой жестокостью к тем, кто не читал. Он ходил между рядами, и каждый раз, когда его шаги приближались к последнему ряду, у меня перехватывало дыхание. Запах горькой полыни и старой бумаги — он пользовался одним и тем же одеколоном годами, я знала это от старшекурсниц — доносился волнами, и я чувствовала, как мои щёки становятся пунцовыми.

— ...и поэтому Раскольников не находит покоя даже после признания, — закончил он за пять минут до звонка. — Вопросы? Нет? Тогда свободны. Кроме Соболевой.

Студенты зашуршали куртками, рюкзаками, сумками. Кто-то бросил на меня сочувственный взгляд, кто-то — любопытный. Катя шепнула на ухо: «Дыши. И если что — я в

коридоре», — и выскользнула за дверь последней.

Щёлкнул замок.

Мы остались вдвоём.

Громов сел на край своего стола — непринуждённо, скрепив руки на груди. Я осталась сидеть на последнем ряду, вжавшись в стул, как нашкодивший котёнок.

— Подойдите, Соболева, — сказал он. Негромко. Спокойно.

Ноги подчинились не сразу. Я поднялась, обогнула ряды парт и остановилась в двух метрах от него. Дальше безопасной зоны.

— Ближе, — сказал он.

Я сделала шаг.

Он наклонил голову, рассматривая меня. Сверху вниз. Медленно. Как будто я была текстом, который он читал во второй раз, чтобы уловить детали.

— Вы сегодня не в розовом, — заметил он. — И без кофе.

— Я решила, что одного кофейного инцидента в неделю достаточно.

— Разумно. Но скучно.

Он потянулся к папке, достал несколько скреплённых листов. Моих. Я узнала свой шрифт — Calibri, 12 кегль, абзацы с красной строки. И жирный заголовок сверху: «Глава 3. Первая ночь».

Я перестала дышать.

— Вы знаете, Соболева, — начал он, перелистывая стра-

ницу, — я читаю студенческие работы уже десять лет. За это время я видел плагиат, бред сумасшедшего, графоманию и однажды — стихи про мои глаза, написанные кровью (шутка, это был красный маркер). Но чтобы студентка прислала мне порнографический рассказ о нас с ней — это впервые.

— Это не порнографический, — вырвалось у меня. — Это эротический. Там есть сюжет.

Громов поднял бровь. Это была красивая бровь — тёмная, чуть изогнутая, с лёгким изломом.

— Поправка, — сказал он. — Эротический рассказ с сюжетом. В котором герой — профессор литературы — говорит героине-студентке, и я цитирую: «Я кончу за пару минут, детка. Придётся потрудиться».

Он прочитал это вслух.

Своим низким, бархатным голосом.

Медленно, смакуя каждое слово.

Я закрыла глаза. Мне казалось, что если я не буду смотреть на него, то смогу провалиться сквозь пол. Но пол был бетонным, и я не провалилась.

— Откройте глаза, Соболева.

Я открыла.

Он улыбался. Открыто, по-настоящему — с морщинками у глаз и с лёгким румянцем на скулах. Это была не злая улыбка и не насмешливая. Это была улыбка человека, который нашёл что-то забавное в мире, где уже давно ничего не смешило.

— Вы знаете, что самое смешное? — спросил он.

— Что я теперь должна отчислиться и уехать в монастырь?

— Нет. Самое смешное — это ошибка в главе 3.

Я моргнула.

— Какая ошибка?

— Вы написали, что я кончаю за две минуты.

Я замерла. Потом медленно, очень медленно покраснела — всем телом, от шеи до корней волос, до кончиков пальцев.

— Это... это художественный вымысел, — прошептала я.

— Художественный вымысел должен опираться на правду жизни, — сказал он, вставая со стола. — Иначе это плохой вымысел.

Он сделал шаг ко мне. Один. Я отступила на шаг назад. Он сделал ещё шаг — я упёрлась спиной в парту.

— Вы когда-нибудь... — начала я.

— Нет, — перебил он. — Не с вами. И вообще ни с кем из студентов. До сегодняшнего дня.

— А сегодня?

— Сегодня, Соболева, вы дали мне материал для глубокого анализа.

Он оказался так близко, что я чувствовала тепло его тела. Свитер пах шерстью и пылью. Его руки — длинные, с выступающими венами — лежали на столе по обе стороны от меня, заключая в ловушку.

— Я... я могу переписать, — выдавила я. — Убрать эту

сцену. Сделать приличную версию. Для зачёта.

— Переписать, — повторил он, и его голос упал на полтона ниже. — Да. Это мысль.

Он наклонился. Его губы оказались в двух сантиметрах от моего уха. Я чувствовала его дыхание — тёплое, чуть горьковатое от кофе.

— Ошибка в главе 3, Соболева, — прошептал он. — Я кончаю дольше, чем за две минуты. Придётся переписать.

Я вцепилась в край парты. Костяшки побелели.

— Это... это шутка?

— Я не шучу на своих семинарах.

Он отстранился — ровно настолько, чтобы я могла видеть его лицо. Глаза — болотные, с золотыми искрами — смотрели серьёзно. Ни тени улыбки.

— Я даю вам два варианта, — сказал он. — Первый: вы забираете свою работу, мы делаем вид, что ничего не было, и вы сдаёте нормальное домашнее задание до пятницы. Второй: вы приходите ко мне домой завтра в восемь вечера. Мы переписываем главу 3. От первого лица.

— От первого лица? В смысле?

— В прямом смысле, Соболева.

У меня закружилась голова. Или это пол кружился? Или это его запах ударил в голову?

— А если я откажусь?

— Тогда я поставлю вам незачёт, — сказал он спокойно.

— И лишу стипендии. Я могу это сделать, потому что фор-

мально вы отправили мне порнографический контент на рабочую почту. Это нарушение устава.

— Вы... вы шантажируете меня? — прошептала я.

— Я даю вам выбор, — поправил он. — Выбор между безопасной серостью и опасной правдой. Между тем, что вы придумали, и тем, что может случиться на самом деле.

Он протянул руку и коснулся пряди, выбившейся из моего пучка. Убрал её за ухо — медленно, почти нежно. Кончики пальцев скользнули по щеке, по скуле, по подбородку.

— Вы дрожите, — заметил он. — Снова.

— Это от холода.

— Нет. Это от страха. Или от желания. Скажите, Соболева, чего вы боитесь больше — что я сделаю с вами что-то непристойное или что я не сделаю ничего?

Я, кажется, перестала дышать.

Он убрал руку. Сделал шаг назад, возвращая мне пространство. Воздух.

— Завтра, восемь вечера, — повторил он. — Я продиктую адрес.

Он вернулся к столу, взял папку, засунул её под мышку и направился к двери.

— Громов, — окликнула я.

Он обернулся.

— А если я приду... что мы будем делать?

Он улыбнулся — той самой тёплой, почти нежной улыбкой, которая не вязалась с его холодным образом.

— Будем писать, Соболева. Лучшую главу в вашей жизни. Дверь закрылась.

Я осталась стоять, прижимаясь спиной к парте, с горящими щеками и колотящимся сердцем.

В кармане джинсов завибрировал телефон.

Сообщение с неизвестного номера:

«Улица Восстания, 14, кв. 87. Код домофона 42. Не опаздывайте. И не берите с собой кофе. Принесите только себя. И ту самую ручку, которой вы пишете свои грязные истории».

Я посмотрела на экран. Потом на свою руку, в которой до сих пор была зажата изжеванная ручка.

— Господи, — прошептала я.

И поняла, что уже приняла решение.

Глава 3. Восемь вечера

Я перемерила весь свой гардероб.

Три раза.

Я стояла перед маленьким зеркалом в общежитии, которое было приклеено к стене на двухсторонний скотч, и смотрела на себя. Чёрное платье? Слишком вызывающе. Джинсы и свитер? Слишком по-домашнему. Юбка и блузка? Слишком... слишком.

Катя сидела на кровати, поджав ноги, и комментировала каждый выход.

— Это платье делает тебя похожей на героиню нуара, которая через пять минут умрёт от отравленного виски.

— Спасибо, Кать.

— А это... это делает тебя похожей на мою бабушку на похоронах дедушки.

— Ты не помогаешь.

— Я говорю правду. Надень то, в чём тебе удобно. И что с тебя легко снимать.

— Что?!

— Я про пальто! Пальто, Лера! Чтобы легко снимать пальто, когда войдёшь в тёплое помещение. О чём ты подумала?

Я швырнула в неё носком.

В итоге я надела тёмно-синие джинсы (обтягивающие, но приличные), чёрный тонкий свитер с вырезом-лодочкой, ко-

торый открывал ключицы, и лёгкое пальто цвета верблюжьей шерсти — единственную дорогую вещь, доставшуюся мне от мамы. Волосы распустила — потому что зачесывать их в пучок было бессмысленно, они всё равно выбивались. На губы — бальзам с оттенком розы. Никакой туши — чтобы не размазать, если я расплачусь.

Ту самую ручку — синюю, с потёртым колпачком, — я положила в карман джинсов.

На всякий случай.

Улица Восстания оказалась тихой, с высоченными сталинскими домами, похожими на солидных чиновников в серых пальто. Фасады с лепниной, высокие двери, домофоны с кнопками, которые помнят ещё советских писателей.

Дом 14.

Я набрала код 42. Дверь щёлкнула.

Подъезд пах пылью, старыми коврами и чем-то неуловимо дорогим — деревом, воском, деньгами. Лифт оказался кабинным, с зеркальными стенами и медными поручнями. Я вошла, нажала кнопку «8» и увидела себя в зеркале — бледную, с горящими глазами, с прядью, которая выбилась из-за уха.

— Ты справишься, — сказала я своему отражению. — Худшее уже случилось. Ты отправила ему порно.

Отражение выглядело неубедительно.

Квартира 87 оказалась на восьмом этаже, в самом конце коридора. Дверь — массивная, дубовая, с латунной ручкой

в виде львиной головы. Я подняла руку, чтобы позвонить, и замерла.

Сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели. Я вытерла их о пальто, сделала глубокий вдох — и нажала на кнопку звонка.

Тишина.

Потом шаги. Тяжёлые, размеренные. Звук поворачиваемого замка.

Дверь открылась.

Дмитрий Сергеевич Громов стоял на пороге — без пиджака, в чёрных брюках и белой рубашке с расстёгнутыми верхними двумя пуговицами. Рукава закатаны до локтей. Ноги босые — я заметила это и почему-то смутилась больше, чем если бы он был в обуви. Босые ноги — это интимно. Это «я дома».

— Вы не опоздали, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то вроде одобрения. — Заходите.

Я переступила порог.

Квартира оказалась огромной. Прихожая с высоким потолком, паркет «ёлочкой», старинный комод с бронзовыми ручками. Из прихожей вела анфилада комнат — я видела гостиную с книжными стеллажами от пола до потолка, кабинет с массивным письменным столом и камин — настоящий, дровяной, в котором потрескивал огонь.

— У вас камин, — сказала я глупо.

— У меня есть камин, — согласился он. — И кофеварка,

и горячая вода, и даже запасные полотенца. Не падайте в обморок от роскоши.

Он помог мне снять пальто — руки легли на плечи, задержались на секунду дольше, чем нужно. Я почувствовала тепло его ладоней через тонкий свитер и вздрогнула.

— Замерзли? — спросил он, вешая пальто на крючок.

— Нервничаю.

— Это пройдёт. Или нет. Второе даже интереснее.

Он повёл меня в кабинет.

Кабинет был моей мечтой — и моим кошмаром. Три стены в книгах — старых, новых, на русском и английском, с потёртыми корешками и золотым тиснением. Письменный стол — огромный, из красного дерева, заваленный бумагами. Настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром — как у писателей прошлого века. И кресло — чёрное, кожаное, глубокое.

И кровать. В углу кабинета, за ширмой с китайскими птицами, я заметила край широкой кровати с тёмно-синим покрывалом.

Он спал здесь. В кабинете. Среди книг.

— Садитесь, — сказал он, указав на кресло перед столом.

— Я принесу нам что-нибудь. Кофе? Чай? Или что покрепче?

— Воды, пожалуйста.

— Боитесь потерять контроль?

— Боюсь, что скажу что-нибудь глупое.

— Вы уже сказали. В главе 3. Дальше — только лучше.

Он вышел, и я осталась одна в кабинете. Огляделась. На столе — стопка студенческих работ (моя — сверху, с моим именем, написанным его почерком). Ручка «Паркер» — стальная, с золотым пером. И фотография в серебряной рамке, повёрнутая лицом вниз.

Я не стала её поднимать. Это было бы слишком.

Громов вернулся с двумя стаканами воды — высокими, гранёными, с долькой лимона в каждом.

— Вода со льдом, — сказал он, ставя один передо мной.
— Потому что у вас горят щёки. И я хочу посмотреть, как вы будете пить.

— Вы всегда так пристально следите за студентами?

— Только за теми, кто пишет обо мне эротические рассказы.

Он сел напротив — в своё кожаное кресло, откинулся на спинку, положил ногу на ногу. В этом расслабленном величии было что-то хищное. Как у кота, который наигрался с мышкой и теперь решает — съесть её или поиграть ещё.

— Достаньте ручку, — сказал он.

Я полезла в карман джинсов. Достала ту самую — синюю, потёртую, с погрызенным колпачком.

Он посмотрел на колпачок, и его бровь снова изогнулась.

— Вы грызёте ручки.

— Это нервное.

— Это очаровательно.

Он протянул руку, и я вложила ручку в его ладонь. Наши пальцы соприкоснулись — на секунду, не дольше. Его кожа была тёплой и сухой, а моя — холодной и влажной.

Он покрутил ручку в пальцах, потом положил на стол.

— Теперь, — сказал он, — мы будем переписывать главу

3. С чистого листа. Но сначала — теория.

— Теория?

— Вы же филолог, Соболева. Любая практика опирается на теорию.

Он встал, подошёл к книжному стеллажу и достал тонкую книжку в потёртом переплёте. «Любовная лирика Сильвии Плат». Пролистал, нашёл страницу, прочитал вслух:

— «Я хочу, чтобы ты прикасался ко мне, как к опасной вещи, как к бомбе, как к обещанию смерти и воскресения».

Он закрыл книгу и положил её передо мной.

— В этом разница между вами и поэтом, Соболева. Вы пишете о том, чего боитесь. А настоящий писатель пишет о том, чего хочет, даже если это страшно.

— Я не боюсь, — сказала я, но голос дрогнул.

— Вы дрожите. Вы грызёте ручки. Вы пришли сюда в свитере с высоким воротом, чтобы я не видел, как бьётся ваша сонная артерия. Вы боитесь, что я окажусь таким, как в вашем тексте. Или — что я окажусь другим.

Он обошёл стол и встал за моим креслом. Я почувствовала его тепло — он наклонился, и его губы оказались рядом с моим ухом.

— Скажите, Соболева, — прошептал он. — Вы девственница?

Я замерла.

Воздух в комнате стал тяжёлым, как перед грозой.

— Это... это не ваше дело, — выдавила я.

— Это моё дело, потому что в вашей третьей главе героиня — невинная. И вы написали её правдиво. Вы писали о себе.

Я молчала. Молчание было громче любого признания.

— Я не буду вас трогать, — сказал он тихо. — Если вы не скажете «да». Но я хочу, чтобы вы поняли одну вещь.

Он развернул кресло — вместе со мной — так, что я оказалась к нему лицом. Он стоял, опираясь руками на подлокотники, нависая надо мной. Его глаза в свете лампы горели золотом.

— В вашем тексте герой берёт силой, — сказал он. — Он доминирует через грубость. Это неправда. Настоящая сила — в контроле. В том, чтобы владеть ситуацией, но не причинять боль. В том, чтобы брать то, что тебе предлагают, а не отнимать.

Он медленно поднял руку и коснулся моей щеки — кончиками пальцев, едва-едва. Как будто я была из папье-маше.

— Я предлагаю вам эксперимент, Соболева. Вы будете писать. А я буду помогать вам с материалом.

— Как — помогать?

— Вы будете описывать то, что чувствуете. А я буду со-

здавать эти чувства.

Сердце ухнуло где-то внизу живота.

— Это безумие, — прошептала я.

— Это литература, — поправил он. — Безумие — это от-
правлять порно своему преподавателю. А это — просто по-
левое исследование.

Он выпрямился и отошёл на шаг.

— Встаньте, — сказал он.

Я встала. Ноги дрожали.

— Подойдите к камину.

Я подошла. Пламя лизало поленья, бросая тени на его ли-
цо, когда он встал рядом.

— Снимите свитер, — сказал он.

Я повернулась к нему.

— Что?

— Свитер. Снимите. Я не трогаю вас — вы сами раздева-
етесь. Это условие.

Мои пальцы вцепились в край свитера. Я смотрела на него
— на его спокойное лицо, на руки, спрятанные в карманы
брюк, на босые ступни на тёплом паркете.

— Вы боитесь, что я вас осужу? — спросил он. — Я видел
ваши мысли, Соболева. В той третьей главе. Ваше тело меня
не удивит.

Я медленно, очень медленно, стянула свитер через голову.

Под ним была тонкая майка на бретельках — белая, почти
прозрачная в свете камина. Бретелька сползла с плеча, и я

не поправила её.

Его взгляд скользнул по моим плечам, по ключицам, по вырезу майки. Он не смотрел по-хамски — он изучал. Как текст. Как рукопись, которую нужно отредактировать.

— Хорошо, — сказал он тихо. — А теперь напишите.

Он подал мне ручку и лист бумаги — чистый, плотный, с его инициалами в углу.

Я взяла ручку. Руки тряслись.

— Пишите, — сказал он, вставая за моей спиной. — «Он смотрит на меня, и я чувствую...»

— Я не могу, когда вы дышите мне в шею.

— Тогда привыкайте. Потому что следующие несколько часов я буду дышать только так.

Я выдохнула и написала: «Он смотрит на меня, и я чувствую, как пламя камина жжёт мою спину, а его взгляд — мою грудь».

— Хорошо, — сказал он. — Продолжайте.

Он подошёл ближе. Его грудь коснулась моей спины — через рубашку и майку, но я почувствовала жар. Его рука легла на мою талию — поверх майки, не проникая под неё.

— Пишите, — прошептал он. — «Его рука лежит на моём боку, и я задерживаю дыхание, потому что боюсь, что если выдохну, то он уберёт её».

Я написала. Буквы прыгали.

— А теперь, — сказал он, и его пальцы скользнули под край майки — на голую кожу, на талию, на рёбра, — пишите:

«Его пальцы холодные, но от них остаются ожоги».

Я не могла писать. Ручка выпала из пальцев.

— Я... я не могу, — прошептала я.

— Можете, — сказал он, и его большой палец описал круг на моём животе — медленно, дразняще. — Вы уже пишете. Вы описываете ощущения в своей голове. Просто перенесите на бумагу.

Я подняла ручку. Написала дрожащей рукой: «Его пальцы холодные, но от них остаются ожоги».

— Умница, — сказал он, и в его голосе появилось что-то новое — не насмешка, не холод, а... нежность. — А теперь последнее предложение для этой страницы.

Его рука скользнула выше — к моей груди, поверх майки. Он не сжал, не коснулся соска — просто положил ладонь на сердце. Я чувствовала, как оно колотится под его пальцами.

— Пишите, — прошептал он. — «Он не поцеловал меня. Но я уже знаю, каков он на вкус».

Я написала.

Он убрал руку. Отошёл. Сел в кресло и посмотрел на меня из полумрака.

— Это была страница первая, Соболева, — сказал он. — Осталось десять.

Я стояла у камина, в майке на бретельках с ручкой в дрожащей руке.

И впервые в жизни не хотела быть в безопасности.

Глава 4. Страница за страницей

Я стояла у камина в тонкой майке на бретельках, сжимая в пальцах его ручку, и чувствовала, как пламя лижет мою спину теплом, а его взгляд — всем остальным.

— Десять страниц, — повторила я. — Вы серьёзно?

— Я всегда серьёзен, когда речь идёт о литературе.

— Это не литература. Это... это...

— Что? — Он подался вперёд в кресле, локти на коленях, пальцы сплетены в замок. — Назовите, что же это, Соболева.

— Это пытка.

— Пытка была бы, если бы я заставил вас читать вслух свою третью главу перед кафедрой. А это — творческая лаборатория.

Я хотела возразить, но осеклась, потому что он встал. Медленно, плавно, как хищник, который решил, что отдых окончен.

— Выпейте воду, — сказал он, кивнув на стакан. — Вам нужно увлажнение. Для голосовых связок.

— Я не собираюсь кричать.

— Я и не просил. Пока.

Он подошёл к столу, взял лист, на котором я только что писала, и прочитал вслух:

— «Он не поцеловал меня. Но я уже знаю, каков он на вкус».

Он поднял на меня глаза.

— И каков же я?

— Я... я не знаю. Это был художественный вымысел.

— Снова художественный вымысел, Соболева, я начинаю думать, что вы боитесь правды больше, чем меня.

Он положил лист на стол, взял чистый — следующий — и придвинул ко мне.

— Садитесь.

— Куда?

— На стол.

Я моргнула.

— На ваш письменный стол?

— У нас есть другой?

Я посмотрела на стол — огромный, красного дерева, заваленный бумагами. На нём было тесно от стопок студенческих работ, книг, карандашей в стакане и той самой перевёрнутой фотографии.

— Я испорчу ваши бумаги, — сказала я.

Он протянул руку. Я не взяла её — но и не отступила. Сама, собственными ногами, подошла к столу и, опершись ладонью о край, вскарабкалась на него.

Стол скрипнул под моими джинсами. Я сидела на краю, свесив ноги, сжимая в коленях ручку и свой страх. Майка задралась на животе — я потянула её вниз, но он остановил меня жестом.

— Не надо, — сказал он. — Я уже видел.

— Это нечестно.

— Жизнь нечестна, Соболева. Особенно когда вы пишете про своего преподавателя в неприличных подробностях.

Он подошёл и встал впритык к моим коленям.

Близко. Так близко, что я чувствовала жар его тела через рубашку. Так близко, что если бы я чуть наклонилась вперёд, то упёрлась бы носом в его грудь.

— Теперь, — сказал он, — пишите. Я диктую.

Я приготовила ручку.

— «Он стоит между моих ног, и я чувствую, как напрягаются мои бёдра», — продиктовал он.

Я написала. Буквы получались кривыми, но разборчивыми.

— «Его пальцы касаются моих коленей — сначала через джинсы, потом...»

Он замолчал. Его руки — длинные, с тёмными венами — легли на мои колени. Потом скользнули выше — к бёдрам.

— ...потом он проводит большими пальцами по внутренней стороне бедра, там, где джинсы обтягивают особенно сильно, и я задерживаю дыхание.

Я писала, не поднимая глаз. Мои пальцы дрожали, ручка выскальзывала.

— Продолжайте, — сказал он тихо.

— Я не знаю, что дальше.

— Тогда напишите: «Я не знаю, что дальше, но хочу узнать».

Я написала. И подняла голову.

Его лицо было в полуметре от моего. Глаза — тёмные, почти чёрные в свете камина — смотрели на меня с выражением, которое я не умела читать. Что-то между голодом и нежностью. Между желанием съесть и желанием защитить.

— Вы хотите узнать? — спросил он.

— Да, — прошептала я. — Но я боюсь.

— Чего?

— Что я вам не понравлюсь. Вживую. Что я не такая, как в своих фантазиях. Я... скучная.

Он улыбнулся — мягко, почти грустно.

— Соболева, вы отправили мне порно, пролили на меня кофе, врезались в меня спиной, пришли ко мне домой в восемь вечера и сейчас сидите на моём письменном столе в майке. Скучной вас не назовёт никто, даже ваша веганская соседка.

— Откуда вы знаете про соседку?

— Я читал вашу третью главу. Там был персонаж «Катя, веганка, которая спит на верхней койке». Хороший образ. Выпуклый.

— Вы запомнили имя моей соседки из рассказа?

— Я запоминаю всё, что вы пишете, Соболева. Это моя работа — читать ваши тексты. А теперь — ваша работа — писать дальше.

Он отступил на шаг, и я снова почувствовала холод вместо его тепла.

— Снимите джинсы, — сказал он.

Я поперхнулась воздухом.

— Что?!

— Джинсы. Снимите.

— Это единственные приличные джинсы!

— Завтра я куплю вам десять пар. Снимите.

— Вы не можете просто так...

— Могу. Я — ваш преподаватель, который шантажирует вас незачётом. Помните? У вас есть выбор: снять джинсы или написать объяснительную записку декану, почему вы отправили мне эротический рассказ.

Я посмотрела на него. Он стоял, скрестив руки на груди, с видом человека, который не торгуется.

— Вы блефуете, — сказала я.

— Попробуйте проверить.

Я проверила. Он не моргнул.

Вздыхнув — так, что прядка волос подпрыгнула у лица — я расстегнула пуговицу на джинсах, потом молнию. Стянула их с бёдер — неловко, ёрзая на краю стола, чуть не свалившись на пол. Джинсы упали на паркет с глухим звуком.

Я осталась в майке и в трусах. Белых. Хлопковых. С бантиком спереди. Таких, которые надевают, когда не ждёшь, что кто-то будет их снимать.

Он посмотрел на трусы. На бантик. Потом мне в глаза.

— Мило, — сказал он. — Очень... невинно.

— Заткнитесь.

— Это была похвала, Соболева.

Он подошёл снова. Встал между моих ног — теперь уже не зажатых джинсами. Я чувствовала его брюки на своей голой коже — грубую ткань, тепло, близость.

— Пишите, — сказал он, и его голос стал ниже, почти шёпотом. — «Я сижу на его столе в одних трусах, и мне должно быть стыдно, но мне...»

Он замолчал, ожидая.

— Мне... — начала я, и ручка замерла.

— Скажите правду, Соболева. Хотя бы раз.

Я закрыла глаза и сказала:

— Мне... не стыдно. Мне нравится.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня с выражением, которое я не могла описать — смесь торжества и нежности. Будто он выиграл партию, но приз оказался дороже, чем он ожидал.

— Напишите это, — сказал он.

Я написала: «Мне не стыдно. Мне нравится».

— Хорошо, — сказал он. — А теперь последнее на сегодня.

Он взял ручку из моих пальцев. Наклонился — так низко, что его лоб коснулся моего. Его дыхание смешалось с моим. Я чувствовала запах кофе, полыни и чего-то ещё — сладкого, глубокого, мужского.

— Напишите: «Он не поцеловал меня, но я чувствую его вкус. Он пахнет книгами и концом. И я хочу, чтобы этот ко-

нец наступил не завтра, а сегодня».

Я не могла писать. Мои пальцы онемели.

Он взял мою руку в свою — впервые за вечер — и медленно, бережно, как учитель, который показывает, как выводить буквы первокласснику, написал эти слова сам. Моей рукой. Моими пальцами.

Я чувствовала тепло его ладони, его пальцы, обхватившие мои, тяжесть ручки на бумаге.

Когда он закончил, он отпустил мою руку и выпрямился.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Одевайтесь.

Я моргнула.

— Что?

— Одевайтесь, Соболева. Я сказал, что мы напишем десять страниц. Мы написали две. Остальные — в другой раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.